

МАРКЕРЫ ПРОДУКТИВНОСТИ ДИАЛОГА ТЕКСТОВ И МАКРОТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: людический (лудофильный) текст, макротекстовый анализ, холистический подход, диалог текстов, текстограмматические механизмы вербализации сведений о мире, метафорическая когерентность.

В статье речь идет о способах выявления маркеров диалога текстов в одном из видов межкультурной коммуникации — переводе. Такой аспект анализа выбирается потому, что перевод представляет собой сферу коммуникации, в которой максимально очевидными становятся регулярность, устойчивость и высокая продуктивность содержательного и формального взаимодействия текстов. Содержательное и формальное взаимодействие текстов, трактуемое как диалог текстов, обладает в языковой культуре огромным и чрезвычайно значимым функциональным потенциалом: прежде всего оно обеспечивает сохранение культурной памяти общества, поддержание его культурной идентичности, развитие новых форм и способов решения известных коммуникативных и когнитивных задач. Обсуждаемый феномен требует пристального внимания в силу того, что любой текст является коммуникативным продуктом, средством фиксации результата взаимодействия носителей языка и культуры с помощью разнородных языковых средств и средств иных культурных кодов. Возможность через сопоставление переводных и оригинального текстов изучать разные способы решения одной и той же коммуникативной и когнитивной задачи коммуникантами с разной личностной и разной коллективной идентичностью позволяет определить сферы, в которых маркеры диалога текстов наиболее очевидны для исследователя. Особое внимание уделяется текстограмматическим механизмам вербализации сведений о мире как обеспечивающим порождение текстов в разных коммуникативных условиях и рецепцию текстов в конкретной языковой культуре. Описывается объяснительная сила холистического подхода к анализу изучаемых объектов — макротекстов. Продуктивность этого подхода раскрывается через сопоставление людического (лудофильного) текста, порожденного в немецкой языковой культуре, и разных вариантов перевода этого текста носителями русского языка и культуры.

L. I. GRISHAEVA

Voronezh State University

MARKERS OF PRODUCTIVITY OF DIALOGUE BETWEEN TEXTS AND MACRO-TEXTUAL ANALYSIS

Keywords: ludic (ludophilic) text, macro-textual analysis, holistic approach, dialogue between texts, textual and grammatical mechanisms of verbalization of knowledge about the world, metaphoric coherence.

The paper describes markers of dialogue between texts in one of the types of intercultural communication, namely, in translation. The choice of translation can be

explained by the fact that it is the sphere of communication in which regularity, stability and high productivity of informative and formal interaction of texts are most obvious. Informative and formal interaction of texts is described as a dialogue between texts. This interaction has a significant functional potential in every culture. Firstly, it ensures preservation of cultural memory of a society and sustains its cultural identity. Secondly, it develops new forms and ways of solving certain communicative and cognitive tasks. The phenomenon under discussion requires a detailed description since any text is a product of communication and a means of fixation of the interaction of language speakers with the help of various verbal means and means of other culture codes. Comparison of the original text and its translations gives a chance to study various ways of solving of one and the same communicative and cognitive task by people with different personal and group identity. This also allows for defining spheres in which the markers of the dialogue between texts are most obvious to the researcher. Special attention is paid to the textual and grammatical mechanisms of verbalization of the knowledge about the world as the basis for generation of texts in various communicative contexts and the reception of text in a specific culture. The paper also reveals the explanatory force of the holistic approach to the object of study — macro-texts. The productivity of this approach is demonstrated through the comparison of the German ludic (ludophilic) text and its various translations by Russian language speakers.

1. Постановка проблемы

Словосочетание «диалог текстов» любому носителю языка сразу бросается в глаза и представляется интуитивно понятным, кажется естественным, нормальным и точно схватывающим обозначаемое им явление. Однако попытка объяснить «на пальцах», что такое диалог текстов, оказывается весьма сложной задачей, требующей значительных усилий и обширных теоретических знаний в разных научных областях.

О диалоге текстов вспоминается, пожалуй, прежде всего тогда, когда имеет место сознательное и/или нецеленаправленное сопоставление оригинального и переводного текстов, поскольку любая текстовая ткань чрезвычайно чувствительна к многочисленным внешним и внутренним факторам, обуславливающим содержательную, структурную, тематическую, функциональную организацию текста; ср. только два примера, явно, ярко и убедительно свидетельствующих о диалоге текстов.

Пример (1) (выдержка из текста инструкции, прилагающейся к утюгу) демонстрирует влияние культурной идентичности адресанта, порождающего текст, на выбор средств и способов организации текста как коммуникативного продукта при порождении тек-

стов определенного типа (инструкция по эксплуатации бытового прибора) средствами неродного для адресанта языка:

(1) *ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ УТЮГ С ОТПАРИВАТЕЛЕМ*

— *Инструкция по безопасному использованию <...>*

— *Всегда отключайте утюг от сети если Вы:*

наливаете воду в резервуар или сливаете ее;

оставляете утюг без присмотра даже на короткое время;

чистите или разбираете утюг;

немедленно после пользования. <...>

— *Не тяните за шнур, для того, чтобы отключить его от розетки. <...>*

— *Не погружайте утюг в воду <...>*

— *Не пользуйтесь утюгом, если:*

шнур неисправен;

его уронили или на нем имеются видимые повреждения;

он имеет вытекание воды; <...>

— *Доверяйте заменять неисправный шнур и разбирать утюг только квалифицированному специалисту, так как это опасно для жизни <...>*

Пример (2) (выдержка из текста, опубликованного в «Литературной газете» на 16-й странице после презентации экранизации «Тихого Дона» с англоязычными актерами в начале «нулевых») иллюстрирует влияние культурно специфической конфигурации сведений о мире в картине мира коллективного субъекта как носителя языка и культуры на содержательную структуру порождаемого текста и на рецепцию этого текста носителями того языка и той же культуры, что и адресант. Пример (2) интересен также и как диалог первичных и вторичных текстов в разных культурных пространствах (роман и его экранизации, экранизация¹ — экранизация², экранизация — рецензия, экранизация — впечатление от нее и другие):

- (2) *Тихая Миссури... (Съемки проводятся именно там.) Наскоро стряпанный хутор. Среди куреней по ошибке затесалось бунгало. <...> Появляется отец. На чекмене — орден Дружбы народов. Он возмущается, грозит позвать шерифа, лишит Грегори доли в бизнесе, если он не женится на добродетельной Натали Кондор. <...> Война. Большевик Майкл Кош с колоссальной бородой и томом Маркса под мышкой въезжает в хутор на мотоцикле «Харлей Дэвидсон». Он коварно убивает Пита, поджигает*

ет дома хуторян, из «калаша» расстреливает деда Гришаку... <...> Вопреки первоисточнику — хэппи-энд. Грегори становится мормоном, женится на Экси и Натали и на теплоходе союзников отплывает из Новороссийска в Америку. На горизонте показывается статуя Свободы. Свобода растет, растет и становится беспредельной... (Попов).

Оба примера более чем убедительно иллюстрируют, что для порождения и рецепции текстов текстограмматические закономерности имеют первостепенное значение по сравнению с закономерностями морфологическими, синтаксическими, не говоря уже о лексико-семантических, словообразовательных, формально-структурных и других, то есть иерархически более низких уровней, чем текст. Важно обратить внимание также на то, что оба примера по-разному показывают, насколько сложным и неоднозначным является процесс порождения текста, в особенности порождение текстов в тех или иных условиях межкультурной коммуникации. Уточняя, следует подчеркнуть: пример (1) доказывает культурную специфику текстограмматических механизмов, не отрицая, естественно, наличия универсальных закономерностей в организации текста. Пример (2) убедительно показывает, сколь различны комплексы сведений, обозначаемые словосочетанием «картина мира», насколько разными в различных языковых культурах являются конфигурации одних и тех же сведений о мире, что предопределяет в том числе и различия в рецепции, в концептуализации и категоризации воспринимаемых сведений о мире.

Приведенные и многие иные примеры, могущие служить наглядной иллюстрацией столь сложного и гетерогенного явления, как диалог текстов, убеждают в необходимости объяснения этого феномена, определении степени закономерности формулируемых обобщений. Сказанного можно достигнуть только через накопление сведений об особенностях проявления свойств диалога текстов в разных условиях, то есть в конечном итоге знаний о соответствующих маркерах, по которым можно распознавать диалог текстов.

В теоретическом отношении диалог текстов — явление гетерогенное, хотя он, как показывают разнородные примеры использования языка в устной, письменной, компьютерно-опосредованной коммуникации, явление типичное для взаимодействия коммуникантов в разных коммуникативных средах, в том числе и между но-

сителями разных культур. И хотя диалог текстов как феномен изучен еще не достаточно, и многие теоретически значимые проблемы даже еще не тематизированы, не осмыслены с помощью научного инструментария, не обозначены подходы к описанию этого явления и не раскрыта объяснительная сила каждого из потенциально возможных подходов, не намечены приемы для описания проявлений, это не отменяет необходимости накапливать эмпирический материал и результаты его многоаспектного анализа, чтобы, наконец, получить существенные и значимые обобщения.

Поэтому цель данной статьи можно сформулировать как выявление маркеров (содержательного и/или формального) диалога текстов на примере текстов определенного типа, поскольку это позволяет сконцентрировать внимание на однопорядковых, хотя и многоаспектных, проявлениях диалога текстов.

2. Людический текст в контексте диалога текстов

В обозначенном контексте хотелось бы остановиться на диалоге текстов, априори сложных для анализа, — юмористических (людических). Сложность заключается в том, что, с одной стороны, эти тексты в содержательном и формальном отношении подчиняются диалектике универсального и культурно специфического, влиянию личностной и коллективной идентичности носителей языка и культуры как при порождении текстов, так и при их рецепции. С другой стороны, эти тексты обнаруживают ярко выраженную субъективность при порождении и рецепции соответствующего текста как результата дискурсивной деятельности коммуникантов, как способа решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи с помощью разнородных языковых средств.

Сложность содержания и формы, порождения и рецепции текстов названного типа обусловлены, думается, прежде всего сущностью этих текстов — юмором, образующим их содержательный и формальный стержень. А юмор в «Философском словаре» определяется следующим образом: «...согласно античному учению, правильная мера влажности, то есть „здоровые соки“ в человеке, достаточно обоснованное хорошее настроение. Юмор видит в серьезном и великом незначительное и мелкое, не порицая, однако, первого разрушительной критикой. И наоборот, в противоречащем разуму юмор усматривает разумное. В противоположность сатире

он лишен остроты и опирается на серьезность, любовь и большую свободу духа. Юмор по своей сути имеет глубокую связь с философской позицией» [10, с. 550]. Другими словами, содержательная «диалогичность» заложена в юмористические (людческие, или лудофильные) тексты изначально и является их неотъемлемым качеством с когнитивной точки зрения.

Чувство юмора как «способность человека подмечать в явлениях их комические стороны, эмоционально на них откликаясь» «неразрывно связано с умением субъекта обнаруживать противоречия в окружающей действительности» [6, с. 394]. Оно признается одним из самых человеческих качеств, которым не обладает ни одно другое живое существо (см. подробнее: [1–3; 7–9]). А. Бергсон, рассуждая о социальной функции смеха и комического, объяснял проявления смеха реакцией на наблюдаемые негибкость в поведении, на отсутствие приспособляемости к общепризнанным нормам, на эксцентричность со стороны какого-либо члена данного социума [1, с. 20]. Иначе говоря, диалогичность текстов анализируемого типа проявляется и с социально-психологической точки зрения.

Юмористические тексты — яркий образец диалога текстов, поскольку «[ю]мор, с одной стороны, представляет собой вид нестереотипной когнитивной обработки восприятия несообразного и нелепого в окружающей действительности. Это попытка креативного мышления нарушить догматизм шаблонного способа отражения окружающего миропорядка, подчеркивающая в нем несообразное и нелепое. С другой стороны, юмор есть вербальная репрезентация жизненной несообразности, акцентированной нестереотипным мышлением» [8, с. 3]. Выражаясь иначе, тексты анализируемого типа диалогичны и в том смысле, что они порождаются в диалоге реального и нормативного, допустимого и порицаемого, социально приемлемого и табуированного, традиционного и новаторского в конкретной языковой культуре.

Кроме того, проявление диалога текстов в юмористических текстах можно обнаруживать и в том, что в своем большинстве они обладают весьма примечательной характеристикой — в них целесообразно различать два адресанта и два адресата, поскольку подавляющее большинство этих текстов эксплицитно диалогичны, а многие из оставшихся — имплицитно диалогичны (см. подробнее об этом: [2, с. 120; 3, с. 170]).

В свое время Х. Изенберг предложил для описания текстов разных классов и типов матрицу, в которой он называет шесть классов текстов: гносогенные (gnosogene), межличностные (kopersonale), эрготропные (ergotrope), эстетические (kalogene), религотропные (religiotrope), лудофильные (ludophile). Эти классы описываются по таким параметрам, составляющим матрицу, как общая характеристика (globales Bewertungskriterium), основная цель интеракции (fundamentales Interaktionsziel), частные коммуникативные задачи (partikulare Interaktionsziele) [15, S. 267–268]. Ясно, что тем самым любой текст помещается в сеть разнородных и важных связей, благодаря чему он получает многоаспектную и гетерогенную характеристику.

Опираясь на параметры матрицы Х. Изенберга, можно охарактеризовать тексты анализируемого типа следующим образом: тип текста — лудофильный (людический), общая характеристика — развлечение здесь и сейчас, основная цель интеракции — совместное веселье коммуникантов, частные коммуникативные задачи — презентация информации, анализ информации, переструктурирование сведений, пополнение сведений. Примерами людических текстов (или лудофильных, согласно Х. Изенбергу) являются, например, загадки, разные виды языковых игр (Ratespiel, Konversationsspiel, Rätselraten, Orakelspiel, Sprechspiel).

Поэтому очевидно, что людические (лудофильные) тексты представляют собой адекватный материал для изучения диалога текстов. Чтобы получить новые исследовательские данные, задачу можно усложнить — например, сопоставить оригинальный и соответствующие переводные тексты, поскольку при создании последних переводчики, имеющие дело с одним и тем же текстом, вне всяких сомнений, решают одни и те же коммуникативные и когнитивные задачи, чего в других случаях добиться трудно, практически невозможно, но обязательно для чистоты и корректности исследования. (Ср. в этой связи основное требование к переводному тексту — адаптировать использование языковых средств к особенностям коммуникативной ситуации в культуре-реципиенте («den Sprachverwendungsmustern der zielsprachigen Situation anzupassen» [24, S. 86]).)

3. Диалог оригинального и переводного текстов

Убедиться в том, насколько сложен содержательный и формальный диалог текстов, оказалось возможным, когда на занятиях по практике немецкого языка студенты не смогли адекватно сразу и без комментариев преподавателя осмыслить предложенный им в качестве релаксации («для совместного веселья» — см. выше одну из характеристик людического текста) текст (см. пример (3))¹. Оценив после некоторого комментария преподавателя стилистическое своеобразие текста, студенты выразили желание перевести этот текст на русский язык, чтобы ознакомить с ним и своих друзей, не владеющих немецким языком. Результат показал, что перевод людического текста — не столь простая задача, как это первоначально полагали обучающиеся. И они решили, что, во-первых, такие тексты непереводимы (см. анализ: [4]), и, во-вторых, будучи носителями одной языковой культуры, люди не могут адекватно воспринимать описанные выше особенности людического текста, порожденного в другой языковой культуре.

В обсуждаемом контексте — диалог текстов — анализируемый текст следует признать весьма показательным, поскольку он обнаруживает ярко выраженные культурно специфические черты в содержательном и формальном отношении, демонстрирует, как в кон-

¹ Конечно же, объяснить сказанное можно и общей лингводидактической закономерностью — необходимостью предварительной многоаспектной работы для эффективной рецепции необычных для обучающихся текстов на занятиях по иностранному языку, поскольку и в «своей» для носителей языка культуре ряд текстов могут представлять для реципиента разнообразные сложности (ср. рассуждения Г. Хельмига: «Для этого (т. е. для обучения обмену мнениями. — Л. Г.) необходимы и в общении на родном языке наряду с умственной обработкой и нередко также предварительная языковая подготовка или способность к аргументированию, развитая до определенной степени. Тем самым для развития способности осуществлять взаимодействие на неродном языке в связи с подобными сложными текстами, предназначенными для публичной коммуникации, требуется интенсивная предварительная работа над языковым материалом» («Hierzu bedarf es bereits in der muttersprachigen Kommunikation neben der geistigen Verarbeitung oft auch der sprachlichen Vorbereitung bzw. eines in einem bestimmten Umfang entwickelten Argumentationsvermögens. Somit ist für die Entwicklung des fremdsprachigen Kommunikationsvermögens in Verbindung mit solchen anspruchsvollen Texten in der für die Öffentlichkeit bestimmten Kommunikation eine intensive sprachliche Vorarbeit notwendig» [14, S. 57]; перевод здесь и далее мой, если не указано иное. — Л. Г.).

кретном случае овнешняются и со-активизируются знания о мире, интеракционные знания, языковые знания, знания об организации текстов, которые необходимы для продуктивного взаимодействия коммуникантов в определенных коммуникативных условиях с помощью языковых средств.

(3) **Fische**

Es gibt viele Arten von Fischen — aber nur wenige Unarten, die sie nicht haben.

Teils bewegen sie sich an der Oberfläche — teils gehen sie in die Tiefe. Man hat sie zum Fressen gern — besonders die Backfische.

Manch toller Hecht — eben sang er noch aus voller Kieme — zappelt plötzlich an der Angel. Zu spät fallen ihm die Schuppen von den Augen.

Fische sind sehr sensibel. Werden sie beleidigt, so strecken sie die Seezunge raus und denken sich den Götz. Sie sind eben manchmal etwas barsch... Aber bald reichen sie ihrem Kontrahenten die Flosse — und alles ist wieder gut.

Manche Fische sind aalglatt — und es ist ihre Masche, durch eine Masche des Netzes, mit dem man sie fangen wollte, zu schöpfen.

Einige nehmen das Maul etwas voll. Das ist nicht schlimm. Es ist nur Wasser.

Fische werden vom 20. Februar bis zum 20. März geboren — also im Mai gezeugt.

Ist es da ein Wunder, dass sie besonders liebevoll geraten sind...? (Erhardt, S. 45).

После первой откровенной неудачи (ведь продукт переводческой деятельности не был в состоянии выполнять свое предназначение в коммуникации) далее, в период 2012–2016 годов, проводилась лингводидактическая работа по снятию разнообразных трудностей в различной студенческой аудитории. При этом в лингводидактическом фокусе находились приемы, объективирующие средства и способы достижения когерентности на микро-, мезо- и макроуровне, поскольку, с одной стороны, сначала все переводные тексты представляли собой набор некогерентных высказываний, каждое из которых как изолированное коммуникативное образование было грамматичным (!), но с другой — между микро-текстами (сверхфразовыми единствами) когерентности не было. Чтобы в конечном итоге возник настоящий текст, когерентный на микро-, мезо- и макроуровне, осуществлялись разнообразные

лингводидактические шаги в разных учебных формах / видах занятий через различные упражнения:

- общий комментарий о принципах организации текста, не относящийся к содержательным и формальным особенностям конкретного текста;
- акцент на лексико-семантических особенностях, в том числе и на словообразовательных закономерностях;
- акцент на грамматических (то есть на морфологических и синтаксических) трудностях, а также на семантических и формально-структурных особенностях отдельных использованных языковых средств;
- акцент на текстотипологических особенностях: комментарий к содержательной, формальной, функциональной организации текста как целостности, в первую очередь относительно текстовых структур, «прошивающих» текст в целом: структура номинативных, коннотативных, акциональных цепочек, особенности тема-рематической прогрессии, вклад стилистических фигур в когерентность макро- и микротекстов, различие между текстемой и отдельным (автономным от текста) предложением и так далее;
- акцент на диалектике универсального и специфического в организации текста: анализ параллельных текстов одного типа в немецкой и русской языковых культурах;
- акцент на функциональном потенциале анализируемого типа текста (людические тексты и их типология) в языковой культуре: комментарий относительно внешних и внутренних по отношению к тексту связей разной этиологии;
- сущность и структура когнитивной метафоры: универсальное и культурно специфическое в дискурсах разного типа;
- акцент на культурной специфике разных форматов общения: культурный контекст, ситуативный анализ, сфера функционирования людический текстов.

4. Маркеры диалога текстов

Выбор названных выше теоретически значимых акцентов для дидактической работы обусловлен двумя обстоятельствами.

Во-первых, первоначально результат — переводной текст — представлял собой когерентную последовательность высказываний только в лучшем случае на текстовом микроуровне (предложение-текстема и/или сверхфразовое единство) и не зависел ни от уровня языковой подготовки «переводчиков» (обучающиеся начальной и продвинутой ступени, немецкий язык как первый иностранный и как второй иностранный), ни от профиля подготовки (переводчики и методисты), ни от культурной идентичности (носители русской языковой культуры и билингвы).

Во-вторых, значимость достижения когерентности на всех текстовых уровнях, между всеми элементами текста независимо от их структурной сложности и характера вклада в когерентность не воспринималась обучающимися как первостепенная задача. С должной серьезностью не принималась во внимание также диалектика универсального и культурно специфического во всей ее полноте и когнитивной сложности. (Ср. сопоставимые рассуждения относительно поставленных проблем, изучаемых с разных точек зрения, например, в работах: [16–18; 21–23; 25; 26] и многих других.)

Теоретический комментарий фокусировался на таких аспектах, как контрастивный анализ немецких и русских фразеологизмов, проблема и анализ этих средств в конкретной тематической сфере, структура синонимических и антонимических рядов, принципы организации тематических/семантических полей и других. Дополнительно осуществлялись мини-исследования по общекультурологической и культурно-исторической проблематике, в том числе биографические справки о жизни и творчестве выдающихся немецких кабареистов, а также разнообразные мини-исследования в области типологии текста.

Выбор проблематики для обсуждения обусловлен тем, что, как показала практика, особую сложность на этапе предпереводческого анализа текста представляло определение типа текста, поскольку на поверхностном уровне присутствуют маркеры разных типов текстов, из-за чего в равной степени возможны оказываются разные стратегии перевода. Так, начало текста активизирует знания о принципах организации научного текста: *Fische. Es gibt viele Arten von Fischen*, однако конец текста — о гороскопе: *Fische werden vom 20. Februar bis zum 20. März geboren*, в то время как середина — о текстах деловой коммуникации: *Aber bald reichen sie ihrem Kontrahenten <...>* Сложности возникают, очевидно, потому, что знание о раз-

ных типах текста и соответствующих принципиальных различиях в содержательном и формальном отношении у обучающихся либо еще не сложились, либо не были достаточно дифференцированы; см. небольшое сравнение с гороскопом:

(4) **Horoskop Fische (20. Februar bis 20. März):**

Der Winter klingt aus, wenn die Sonne das Tierkreiszeichen Fische durchläuft. Zwar blasen noch rauhe Winde, aber die ersten Blumen lassen den kommenden Frühling schon ahnen. Die Menschen, die in dieser Zeit geboren wurden, haben starke Innenkräfte, die sie aber ihren Mitmenschen gegenüber gern verbergen. Sie sind schüchtern, obwohl sie diese Schüchternheit manchmal mit aufgesetzter Forschheit zu kaschieren suchen. <...> (Haddenbach, S. 119).

Эта сложность была снята только после знакомства с типом текста «скетч», а также с культурным феноменом «кабаре и варьете», то есть с принципами организации текста, его функциональным потенциалом и его функциональной сферой (ср. в этой связи рассуждения, например, К. Норд о связи между переводческими приемами и знаниями в типологии текста: [23, особенно S. 298–300, 300–304, 306–307]).

Весьма полезной и продуктивной оказалась работа по «препарированию» текстовой ткани, то есть многоаспектный детальный анализ внутритекстовых связей, основывающихся на разных принципах, например (см. оригинальный текст выше):

- рыбы (⇒ ассоциативные связи): *Fische — Arten von Fischen: Backfisch — Hecht — Seeszunge — Barsch — Aal;*
- части тела рыбы (⇒ ассоциативные связи): *Kieme — Schuppen — Augen — (See)zunge — Flosse — Maul;*
- образ жизни рыб (⇒ ассоциативные связи): *in die Tiefe gehen — sich an der Oberfläche bewegen — (aus voller Kieme singen) — (an der Angel zappeln) — (sensibel sein) — (barsch sein) — (aalglatt sein) — (die (See)zunge raustrecken) — (beleidigt werden) — (dem Kontrahenten die Flosse reichen) — (durch eine Masche schöpfen) — (das Maul voll nehmen) — (sich den Götz denken);*
- инструменты (при ловле рыб) (⇒ ассоциативные связи): *Masche (eines Netzes) — Angel — Netz.*

Анализ убеждает русского реципиента, не имеющего пока тонко дифференцированных знаний о немецкой языковой культуре,

в том, что в тексте одновременно со-активируются знания из различных понятийных сфер. В конкретном случае это позволяет реципиенту думать о, по крайней мере, трех содержательных интерпретациях — в тексте речь идет:

- 1) о рыбах как представителях фауны;
- 2) о людях и их характерологических особенностях;
- 3) об одном из 12 знаков зодиака с соответствующим профилем.

В зависимости от того, какая когнитивная стратегия возобладает при рецепции, профилируются сведения о мире, вербализованные в конкретном тексте средствами, использованными автором текста.

Потенциально возможные трактовки содержания распознаются по однозначным признакам, а именно по особенностям языковых средств. Следует упомянуть, например, словообразование: *Art* — *Unart*, *Barsch* — *barsch*, *Aal* — *aalglatt*; лексико-семантические закономерности, а именно омонимию (*Barsch* — *barsch*); полисемию (*Backfisch* — *Masche* — *Maul*); переосмысление в контексте (переносное значение) (*Flosse* ⇒ *Hand* — *Masche* ⇒ *Trick*). Необходимо подчеркнуть, что в тексте одновременно активируются по крайней мере две потенциально вероятные интерпретации: *Arten* (виды рыб, информация о которых далее в тексте уточняется и детализируется) — *Unarten* (манера поведения, свойственная только людям); *Backfisch* (блюдо) — *Backfisch* (юная, неопытная, наивная девушка); *Barsch* (вид рыбы) — *barsch* (манера поведения); *Kieme*, *Flosse* (части тела рыбы) — *aus voller Kieme (aus vollem Halse) singen/j-m seine Hand (Flosse) reichen* (манера поведения людей), и так далее. Таким образом, когнитивный фокус и когнитивная фигура регулярно и последовательно сменяют друг друга, и от этого зависит результат концептуализации и категоризации воспринимаемых сведений о мире. Поэтому знания о жизнедеятельности рыб со-активируют знания об образе жизни отдельных категорий людей.

Другими словами, обсуждаемый текст содержит когнитивные метафоры «что человек, что рыба» (см. подробнее: [20]), которые, однако, реципиент может и не распознать, если он не располагает знанием и/или опытом различать контексты, в которых потенциально используются те или иные языковые средства, то есть если у него отсутствуют соответствующее языковое знание и знание

об организации текстов разного типа. В таких случаях реципиент сталкивается с проблемами по определению типа текста и тем самым с проблемами по рецепции текста. Характер и степень проявления этих проблем, а также их последствия зависят от многочисленных и разнородных факторов, обусловленных особенностями конкретного реципиента.

Обозначенные выше иерархические связи между разными когнитивными структурами можно, тем не менее, научиться распознавать по содержательным и формальным маркерам. Этот навык необходим потому, что отдельная когнитивная метафора независимо от ее характера и от способа объективации с помощью языковых средств включается в тонкую сеть разнообразных связей; причем даже малейший разрыв таких связей неизбежно негативно сказывается на когерентности текста в целом.

Это очевидно, если проанализировать функционирование разных фразеологизмов, которые в анализируемом тексте объективируют когнитивную метафору «человек — рыба», например: *etwas zum Fressen gern haben — toller Hecht — aus vollem Halse schreien — J-m fallen die Schuppen von den Augen — die Zunge rausstrecken — sich den Götz denken — Etwas ist j-s Masche — (den Mund voll nehmen) — (die Nase voll haben) ⇒ das Maul voll haben* [11–13]. Трудность для инокультурного реципиента заключается в том, что в обсуждаемом тексте стилистически нейтральные варианты фразеологизмов переводятся в иной (сниженный) стилистический регистр, а значимые для культуры прецедентные феномены активизируются неконвенциональными для немецкой культуры средствами. По понятным причинам соответствующими средствами переводчики не могут овладеть сразу же. Необходимые для этого навыки (распознавание стилистически сниженных средств, знание прецедентных феноменов, знание о разных способах активизации одного и того же комплекса культурно специфических сведений) формируются только со временем, а компетенция совершенствуется с усложняющимся коммуникативным опытом и его дифференциацией по разным основаниям. Поэтому и деятельность переводчика, должно активизировать средствами иного языка для инокультурного реципиента аналогичные (изофункциональные) образы, становится особо сложной из-за культурной специфики и фразеологизмов, и прецедентных феноменов, и содержания образов, а также содержания и функ-

ции когнитивной метафоры, лежащей в основе текста, и когнитивных метафор, значимых для микро- и мезоуровня; ср. прежде всего следующие единицы: *toller Hecht — sich den Götze denken — Etwas ist j-s Masche*.

Эффективным средством противодействия описанным выше обстоятельствам является, как свидетельствует практика, демонстрация техник текстопорождения. Средством со-активации разных комплексов сведений о мире и тем самым средством объективации когнитивной метафоры является контраст в узком и широком смысле, распознаваемый по разнообразным маркерам.

Можно упомянуть следующие средства и способы, которые позволительно интерпретировать также как маркеры диалога текстов: знаки препинания и прежде всего тире (см. пример (3)), союзы соответствующей семантики (*aber, teils — teils*), средства выражения отношения «часть \Leftrightarrow целое» (*viele — wenige, einige — manche*), обозначения разнообразных локальных (*Oberfläche — Tiefe*) или темпоральных связей: фазы одного процесса «начало \Leftrightarrow конец» (*gebären — zeugen*) или отношение «стимул \Leftrightarrow реакция» (*beleidigen — barsch werden*), обозначение разных состояний и/или их фаз (*sprechen — schweigen, streiten — dem Kontrahenten die Hand reichen*), противопоставление разных категорий людей (*Backfisch — toller Hecht*), а также словообразовательные средства (*Art — Unart*). Такое разнообразие гетерогенных изофункциональных средств в небольшом по объему тексте существенно обогащает содержательную интерпретацию текста, но из-за этого чрезвычайно усложняет реализацию диалога текстов как при порождении (переводе), так и при рецепции оригинального и переводного текстов (см. об этом ниже, примеры (6–9)).

И хотя причинно-следственные отношения не сразу и не всегда корректно распознаются всеми реципиентами, этот тип логических связей, весьма значимый для конкретного текста, на поверхностном уровне часто нарушается. Однако именно поэтому со-активируются глубинные связи между знанием о мире людей и знания о фауне (см. подробнее: [4]). Благодаря этому активизируются разные когнитивные метафоры, образующие в тексте сложно организованную иерархическую систему когнитивных метафор и образующие, по сути, каркас для когерентности текста на микро-, мезо- и макроуровне:

- рыба ⇒ человек как вид;
- виды (рыб) ⇒ личность / определенная категория людей;
- рыба (*Backfisch* ≈ блюдо из рыбы, юная девушка) ⇒ пища/блюдо ⇒ наслаждение ⇒ личность ⇒ юная девушка;
- щука ⇒ образ жизни ⇒ привычки человека;
- угорь ⇒ физические характеристики ⇒ черты характера человека;
- окунь ⇒ физические характеристики ⇒ черты характера человека;
- оценка ⇐ привычка ⇔ грубость (*barsch*) ⇐ Гёц (⇐ историческое событие);
- рыба ⇒ тело ⇒ функции тела ⇒ человек.

Естественно, сравнение человека с животным или рыбой либо с насекомым, растением является универсальным, однако качества и характеристики, которые сравниваются, не могут не быть культурно специфическими. И даже если образы, лежащие в основе фразеологизмов или метафор, можно признать более или менее сопоставимыми в разных культурах, они не тождественны. Ср. степень интенсивности толкотни в русском и немецком фразеологизме: *wie die Sardinen in der Büchse* — как селедка в бочке (*wie (Salz)Heringe im Fass*) / как кильки в банке (*wie Strömlinge in der Büchse*) [12]. А так как анализируемый текст представляет собой в целом и в отдельных своих частях комплекс когнитивных метафор, то важно осознать, какой ментальной структурой обладают соответствующие образования, с помощью которых концептуализируется воспринимаемое содержание. Ср. мнение Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «Метафоры, имеющие очевидный онтологический характер, — это, вероятно, то, с помощью чего физический объект осмысливается через человеческий образ. Этими метафорами мы можем осмысливать разнообразный опыт с помощью неспецифических сущностей, в основу осмысления которых мы кладем мотивацию людей, их признаки и действия» [20, S. 44]. В результате этого активируются несколько интерпретаций, о которых шла речь выше, так как соотношение «прямое — метафорическое» базируется на контрасте, а способы переключения (то есть маркеры обсуждаемого диалога текстов) восприятия с одной когнитивной стратегии на другую активизируются средствами объективации логических отношений (контраста).

Это позволяет сделать вывод о том, что степень успешности диалога между оригинальным и переводным текстами можно распознать по качеству когнитивных метафор в обоих текстах, являющихся содержательным (и как следствие — формальным) стержнем текста в целом. Маркерами этого могут стать наличие/отсутствие когерентности между стилистическими фигурами и содержательная иерархия отдельных когнитивных метафор в целостном текстовом пространстве (ср. в этом контексте рассуждения о семантической доминанте при оценке качества переводных текстов: [16]).

5. Макроструктурные связи как маркер диалога текстов

Анализ маркеров диалога текстов свидетельствует в том числе о значимости макротекстовой организации, которая также культурно специфична как на этапе порождения текста, так и на этапе его рецепции (см. соответствующие детальные аргументы: [5]). В примере (5) по-разному маркируются отдельные номинативные цепочки, обладающие явной и ярко выраженной способностью устанавливать между текстовыми компонентами разной степени структурной и содержательной сложности когерентность в тексте на микро-, мезо- и макроуровне.

(5) *Fische*

*Es gibt viele Arten von **Fischen** — aber nur wenige Unarten, die sie nicht haben.*

*Teils bewegen **sie** sich an der Oberfläche — teils gehen **sie** in die Tiefe.*

*Man hat **sie** zum Fressen gern — besonders die Back**fische**.*

Manch toller Hecht — eben sang er noch aus voller Kieme — zappelt plötzlich an der Angel. Zu spät fallen ihm die Schuppen von den Augen.

***Fische** sind sehr sensibel. Werden **sie** beleidigt, so strecken **sie** die Seezunge raus und denken sich den Götz. **Sie** sind eben manchmal etwas barsch... Aber bald reichen **sie** ihrem Kontrahenten die Flosse — und alles ist wieder gut.*

*Manche **Fische** sind aalglatt — und es ist ihre Masche, durch eine Masche des Netzes, mit dem man **sie** fangen wollte, zu schöpfen.*

Einige nehmen das Maul etwas voll. Das ist nicht schlimm. Es ist nur Wasser.

Fische werden vom 20. Februar bis zum 20. März geboren — also im Mai gezeugt.

Ist es da ein Wunder, dass sie besonders liebevoll geraten sind...?

Выделенные по-разному (жирность, способы подчеркивания) средства, между которыми устанавливаются по различным основаниям внутритекстовые связи, наглядно показывают, насколько важным и продуктивным является для адекватной рецепции текста как целостности осознание и экспликация внутритекстовых связей на любом уровне в тексте. Ср.: «Самые элементарные ценности культуры когерентны с метафорической структурой самых элементарных концептов этой культуры. <...> Такой тип восприятия ценностей глубоко укоренен в нашей культуре» [20, S. 31].

Стоит напомнить о том, что в русской культуре есть фразеологизмы с обозначениями разных рыб: *нескарь* (*Gründling*) (умный, мудрый, осторожный), *щука* (*Hecht*) (агрессивная, быстрая, решительная), *карась* (*Karausehe*) (хитрый (умный), застенчивый), *ёрш* (*Kaulbarsch*) (хитрый, маленький, ловкий), *акула* (*Haifisch*) (агрессивная, резкая). Только перечисление ключевых для фразеологизмов слов доказывает, насколько специфичными для носителей немецкой и русской языковых культур являются представления о связях между характером человека и повадками рыб. Например, изворотливыми в русской культуре являются не только рыбы, но и рептилии (*уж*), которые, согласно обыденным представлениям, к тому же и гибкие. Ср. в этом контексте русские фразеологизмы: *Не учи рыбу плавать. — Без костей рыбы не бывает. — Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. — Рыба с головы гниет. — Ловить рыбу в мутной воде. — Биться/молчать как рыба об лед. — Чувствовать себя как рыба в воде. — Ни рыба ни мясо. — Не грози щуке морем. — Реветь белугой. — Ершиться. — Скользкий как угорь. — Молчать как рыба. — Рыба велика оттого, что пруд мал. — Не учи плавать щуку, щука знает свою науку. — Всякая рыба хороша, коль на удочку пошла. — Акула (бизнеса). — Взять за жабры.* Это знание играет, естественно, значительную роль в установлении когерентности текста на всех уровнях, поскольку метафорическую когерентность (когерентность через метафоры) следует признать основой для понимания не только конкретного текста, но и культуры в целом, что тесно связано и с креативностью переводческих решений, а также с принципами конструирования культурно специфических зна-

чимых образов, важных для коммуникантов в особенности при порождении фиктивных, медиа- и юридических текстов. Другими словами, в русской и немецкой языковых культурах не совпадают семантика, функциональный потенциал и среда функционирования названных выше единиц и соответствующих представлений, что не может не отразиться на выборе переводческих решений.

В качестве примера различных диалогов текстов можно привести несколько переводов, в которых по-разному эксплицированы средства установления когерентности, особо значимые для микро- (текстема и сверхфразовое единство²), мезо- (сверхфразовое единство и макрокомпонент текста) и макроуровня (цельный текст или несколько макрокомпонентов) текстовой структуры (см. примеры (6–9)³). Обсуждая результат диалога текстов, нельзя не подчеркнуть также и значимость личностной идентичности переводчика, от которой тоже зависит степень успешности переводческих решений.

(6) Настя⁴, 2014 (немецкий как второй иностранный)

Рыбы

*Есть много разновидностей **рыб**, но совсем немногие из **них** безобразничают. То **они** скользят по поверхности, то уходят в глубину.*

***Ими** охотно лакомятся, особенно молоденькими. И вот один из молодых пел песни, и сам попался на крючок. Слишком поздно спала пелена с его глаз.*

***Рыбы** очень чувствительны. Когда **их** оскорбляют, **они** высовывают язык и шлют всех к черту. Порой **они** ершисты. Но скоро **они** протягивают свою пятерню и все снова входит в свое русло.*

*Некоторые из **них** настолько изворотливы, что им удастся поймать в свои сети тех, кто сам пытался насадить **их** на крючок.*

*Некоторые молчаливы, как **рыбы**. Но ничего страшного. Они просто воды в рот набрали.*

² Неотъемлемые части текстовой структуры имеют разную степень сложности. Этим и объясняется перечисление отдельных текстовых компонентов как принадлежащих двум или более уровням текстовой структуры. (Обоснование соответствующей точки зрения см., например: [5].)

³ Сохранены оригинальные орфография и пунктуация.

⁴ Не все обучающиеся согласились с тем, чтобы назывались их фамилии.

Рыбы рождаются с 20.02. по 20.03., т. е. их зачинают в мае.
Разве удивительно, что **они** рождаются такими милыми?

- (6) Валентина Глушкова, 2016 (немецкий как первый иностранный)

Рыбы

Существует много видов **рыб** — но мало кто из них отличается невоспитанностью.

Часть из **них** плавает на поверхности — **другие** на глубине.

От **них** все без ума — особенно от **тех**, что помоложе.

Вот это весельчак — **он** пел во все горло — но внезапно попался на удочку. Слишком поздно упала пелена с его глаз.

Рыбы очень чувствительны. Если **их** обижают, **они** показывают язык и грубят. Иногда **они** слишком резки. Но вот **они** жмут вам руку и снова все хорошо.

Некоторые **рыбы** скользкие, как угорь, — и это **их** хитрость выбираться через ячейку в сетке, которой вы хотите их поймать.

Некоторые из **них** молчаливы, как будто воды в рот набрали. Но это ничего. Ведь это просто вода.

Рыбы рождаются с 20 февраля по 20 марта, итак, **их** зачинают в мае.

Ведь это, наверно, чудо, что **они** оказываются такими ласковыми.

- (7) Екатерина Неплюева, 2016 (немецкий как первый иностранный)

Рыбы

Существует множество видов **рыб**, но лишь некоторые из **них** не имеют вредных привычек.

Одни предпочитают быть в центре внимания, а другим привычнее оставаться в тени.

Окружающие просто души не чают в **рыбах**. Особенно замечательны девочки-подростки.

Рыбы по своей натуре весельчаки. Так сказать, поют во все горло до тех пор, пока жареный петух не клюнет. Только тогда на них находит озарение.

Рыбы очень чувствительны. Обиженные **рыбы** могут высунуть язык, и это лишь самая малость. Иногда **они** бывают резкими в своих действиях... Но вскоре **они** протягивают руку помощи своему противнику, и все снова становится замечательно.

Некоторые **рыбы** бывают очень изворотливыми. Они ловко ускользают от проблем — и это им искусно удастся.

Среди **рыб** часто встречаются болтуны. Но в этом нет ничего дурного. Это просто слова.

Рыбы рождаются с 20 февраля по 20 марта, значит, **они** зачаты в мае. Разве это не чудо, что существуют столь преисполненные любви **создания**?

- (8) Катарина Попова, 2016 (немецкий как первый иностранный)

Рыбы

Существует много видов **рыб** — но мало кто из **них** не имеет дурных привычек.

Иногда **они** просто проплывают мимо, а иногда цепляются на кого-то своими плавниками.

Их обожают — особенно **тех, кто** помоложе.

Вот уж сорви-голова — **он** пел во все горло — но попался на удочку. Слишком поздно спала пелена с его глаз.

Вообще-то, **рыбы** очень чувствительны. Обидите **их**, **они** покажут вам язык, да еще и нагрубят. Просто **они** грубоваты... но вскоре протягивают пятерню, и все снова отлично.

А вот некоторые из **них** скользкие, как угорь, и это **их** искусный прием: найти лазейки в сети, которой вы хотите **их** поймать.

Другие молчат, будто воды в рот набрали. Но это не страшно. Это всего лишь вода.

Рыбы рождаются в промежутке между 20 февраля и 20 марта, то есть **их** зачинают в мае.

Не чудо ли, что **они** рождаются такими милыми?

Отобранные примеры иллюстрируют, с одной стороны, возможность индивидуальных переводческих решений, причем по-разному раскрывают вклад когерентности метафор в текстовое целое. С другой стороны, в глаза бросается общность переводческих решений: в оригинале активизируются сведения о разных видах рыб и способах их «бытования» в культуре (*Hecht, Aal, Barsch — Backfisch*), а в переводных текстах — о рыбах вообще. Характерно, что разные переводные тексты не лишены и игры слов, а также остроумия, что позволяет говорить о частичной изофункциональности переводных и оригинального текстов, то есть о том, что диалог текстов оказался более или менее продуктивным.

Анализ убеждает в том, что перевод такого сложного в формальном и содержательном отношении юридического/лудофильного текста можно ориентировать на особенности адресата как носителя

конкретной языковой культуры. Приведем в этой связи высказывание Э. Прунча: «Для инновативных экспрессивных текстов и для особо престижных текстов справедлив тем не менее в модифицированной форме постулат естественности. Не естественность сама по себе, а степень отклонения от естественности должна служить мерилем при переводе. Если оригинальный текст содержит отклонения от ожидаемых и естественных структур, то при переводе их следует выражать тоже способами, отклоняющимися от ожидаемых структур» [24, S. 86].

Поэтому очевидно, что более предпочтительным и продуктивным следует признать холистический подход на всех этапах работы с текстом, то есть иметь в виду целостность даже тогда, когда идет более тщательная работа на текстовом мезо- и/или микроуровне. Ср. в этой связи одну из рекомендаций так называемой стратегии успеха переводческой деятельности: «Работайте согласно глобальным стратегиям и проводите макроанализ текста! Учитывайте общие коммуникативные условия! <...> Используйте ваше знание о мире и знание текстов и не довольствуйтесь информацией из словарей!» [19, S. 99].

Эту мысль можно выразить иначе: целесообразно думать об иерархии переводческих приемов и тем самым также об иерархии критериев оценки переводного текста, как это настоятельно подчеркивает К. Норд [23, в особенности S. 298–300, 308–309]. Естественно, нельзя пренебрегать и частными переводческими проблемами, решать которые, однако, необходимо с учетом содержательной и формальной цельности текста.

Сформулированные по ходу анализа обобщения можно представить в форме матрицы (см. ниже), отражающей возможность анализировать маркеры диалога текстов в разных условиях и с разными целями. Матрица учитывает такие параметры, задающие разнородные связи между текстами, как характер диалога текстов (формальный и содержательный), разные уровни текста (микро-, мезо-, макроуровень), а также основания для выявления диалога текстов, которые правомерно трактовать и как маркеры диалога изучаемого характера (логические, лексико-семантические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, формально-структурные, стилистические, текстограмматические — понятийная сфера, прецедентные феномены, когнитивные метафоры и другие). Предлагаемая матрица позволяет исчислить типы диалога текстов, а также ве-

роятную специализацию маркеров диалога текстов на те или иные условия (тип текста, макросемантическая и/или макросинтаксическая организация текста на том или ином текстовом уровне):

Матрица

Характер диалога текстов	Основания для выявления диалога текстов	Компоненты текстовой структуры на разных уровнях		
		Макро-уровень	Мезо-уровень	Микро-уровень
Формальный	Лексико-семантические			
	Словообразовательные			
	Морфологические			
	Синтаксические			
	Формально-структурные			
	Стилистические			
	Логические			
Содержательный	Текстограмматические			
	Понятийная сфера			
	Прецедентный феномен			
	Когнитивная метафора			
	...			

7. Выводы

Сказанное выше означает, что, с одной стороны, диалог текстов чрезвычайно значим абсолютно для всех видов взаимодействия носителей языка и культуры, при порождении и рецепции текстов

любого типа. С другой стороны, диалог текстов требует от носителей языка и культуры сформировавшегося умения его распознавать. В противном случае глубина осмысления воспринимаемого текста существенно ухудшается, взаимодействие осложняется. Это приводит к недопониманию, а также к разного рода конфликтам различной степени остроты как в содержательном, так и в формальном отношении. Исчисление и детальное описание маркеров диалога текстов позволяет более или менее оптимистично прогнозировать результат — в идеальном случае успешное решение поставленной коммуникативной и когнитивной задачи как при внутрикультурной, так и при межкультурной коммуникации. Очевидно, соответствующие данные значимы не только для осмысления естественной коммуникации в ее самых разных проявлениях, но и для проработки разнообразных дидактических задач. Другими словами, изучение диалога текстов вносит очевидный вклад в теорию текста, а также раскрывает с новой стороны прикладной потенциал лингвистически релевантного знания.

Источники иллюстративного материала

Попов — *Попов, Г.* Мыльный Дон // Литературная газета. 2006. № 49. С. 16.

Erhardt — *Erhardt, H.* Fische // Erhardt H. Viel Glück! Mit Bildern von Gerhard Glück. S. l.: Lappan Verlag, 2003. S. 45.

Haddenbach — *Haddenbach, G.* Die 12 Sternzeichen. Wiesbaden: Falken-Verlag Erich Sicker, 1976. 160 S.

Литература

1. *Бергсон, А.* Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.
2. *Вулис, А. З.* Метаморфозы комического. М.: Искусство, 1976. 126 с.
3. *Гришаева, Л. И.* Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума // Эссе о социальной власти языка / под общ. ред. Л. И. Гришаевой. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 169–179.
4. *Гришаева, Л. И.* Непереводимое? // Социокультурные проблемы перевода. Вып. 11. Воронеж: Изд. дом Воронеж. гос. ун-та, 2014. С. 296–304.
5. *Гришаева, Л. И.* Сущность и объяснительная сила макротекстового анализа // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Грамматика: перспективы развития. Языкознание и литературоведение. 2015. Вып. 20 (731). С. 208–220.

6. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
7. Лук, А. Н. Юмор. Остроумие. Творчество. М.: Искусство, 1977. 184 с.
8. Миловская, Н. Д. Юмор немецкого этноса: языковой бытовой анекдот. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2014. 192 с.
9. Пушкарева, О. В. Пародирование как способ сюжетно-композиционной организации анекдота // Филологические науки. 1996. № 2. С. 35–42.
10. Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 2002. 576 с.
11. Duden. Deutsches Universalwörterbuch A–Z. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 1989. 1816 S.
12. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2002. 960 S. (Duden. Deutsche Sprache: in 12 Bdn. Bd. 11).
13. Duden. Zitate und Aussprüche. Mannheim: Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2008. 960 S.
14. Hellmich, H. „Stoffauswahl und Stoffaufbereitung“ // Didaktik des Fremdsprachenunterrichts / Autorenkollektiv unter Leitung von G. Desselmann, H. Hellmich. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1986. S. 55–66.
15. Isenberg, H. Texttypen als Interaktionstypen. Eine Texttypologie // Zeitschrift für Germanistik. Leipzig, 1984. H. 3. S. 261–270.
16. Jurewicz, M., Kubiak, P. Semantische Dominante — ein entscheidendes Kriterium bei der Anfertigung und Evaluation von Übersetzungen? // Translations Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference, 2014. Frankfurt a/M.: Peter Lang Verlag, 2017. S. 11–20.
17. Kupsch-Losereit, S. Verrückte Kulturen. Zur Vermittlung von kultureller Differenz beim Übersetzen // Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht / hrsg. von G. Wotjak. Berlin: Frank & Timme, 2007. S. 205–220.
18. Kußmaul, P. Risikomanagement beim Übersetzen sozialwissenschaftlicher Umfragen // Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht / hrsg. von G. Wotjak. Berlin: Frank & Timme, 2007. S. 235–253.
19. Kußmaul, P. Verstehen und Übersetzen. Ein Lehr- und Arbeitsbuch. Tübingen: Gunter Narr Verlag; Studienbücher, 2010. 217 S.
20. Lakoff, G., Johnson, M. Leben in Metaphern. Konstruktion und Gebrauch von Sprachbildern / übersetzt von A. Hildenbrand. Heidelberg: Carl-Auer Verlag, 2008. 272 S.
21. Mudersbach, K. Kohärenz und Textverstehen in der Lesersicht. Oder: Wie prüft man die Stimmigkeit von Texten beim Lesen // Neue Perspektiven in der Übersetzungs- und Dolmetscherwissenschaft. Festschrift für Heidrun Gerzy-

misch-Arbogast zum 60. Geburtstag / hrsg. von Th. Vogel, B. Voss. Bohum: AKS-Verlag, 2004. S. 249–271.

22. Nord, Ch. Fertigkeit Übersetzen. Ein Selbstlernkurs zum Übersetzen und Übersetzenlehren. Alicante: Editorial Club Universitario, 2002. 182 S.

23. Nord, Ch. Übersetzungstypen — Übersetzungsverfahren. Ein paar neue Gedanken zu einem uralten Thema // Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht / hrsg. von G. Wotjak. Berlin: Frank & Timme, 2007. S. 293–310.

24. Prunč, E. Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht. Berlin: Frank & Timme, 2007. 438 S.

25. Rothfuß-Bastian, D. Das Zusammenspiel von Vertextungsmitteln in Original und Übersetzung // Neue Perspektiven in der Übersetzungs- und Dolmetscherwissenschaft. Festschrift für Heidrun Gerzymisch-Arbogast zum 60. Geburtstag / hrsg. von Th. Vogel, B. Voss. Bohum: AKS-Verlag, 2004. S. 273–288.

26. Van Vaerenbergh, L. ‚Kohärenz‘ in Text, Translation und Kommunikation // Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht / hrsg. von G. Wotjak. Berlin: Frank & Timme, 2007. S. 411–426.

References

1. Bergson, A. *Laugh*. Rus. ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1992, 127 p. (In Russian)

2. Vulis, A. Z. *Comic Metamorphosis*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, 126 p. (In Russian)

3. Grishaeva, L. I. Anecdote as a Way of Fixing Social Norms and Moral and Ethical Values of Society. *Esse o sotsial'noi vlasti iazyka*, ed. by L. I. Grishaeva. Voronezh, Voronezh. gos. un-t Publ., 2001, pp. 169–179. (In Russian)

4. Grishaeva, L. I. Untranslatable? *Sotsiokul'turnye problemy perevoda*, issue 11. Voronezh, Isd. dom Voronezh. gos. un-ta Publ., 2014, pp. 296–304. (In Russian)

5. Grishaeva, L. I. Essence and Explanatory Power of Macrotext Analysis. *Vestnik Mosk. gos. lingvist. un-ta. Grammatika: perspektivy rasvitiia. Iasykosnanie i literaturovedeniie*, 2015, issue 20 (731), pp. 208–220. (In Russian)

6. *Concise Dictionary of Psychology*, ed. by A. V. Petrovskii, M. G. Jaroshevskii. Moscow, Politisdat Publ., 1985, 431 p. (In Russian)

7. Luk, A. N. *Humor. Wit. Creation*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977, 184 p. (In Russian)

8. Milovskaia, N. D. *German Ethnos Humor: Language Household Anecdote*. Ivanovo, Ivanov. gos. un-t Publ., 2014, 192 p. (In Russian)

9. Pushkareva, O. V. Parody as a Means of Organisation of the Plot and Composition of a Canned Joke. *Filologičeskie nauki*, 1996, no 2, pp. 35–42. (In Russian)
10. *Filosofskii entsiklopedičeskii slovar'*. Moscow, Infra-M Publ., 2002, 576 p. (In Russian)
11. *Duden. Deutsches Universalwörterbuch A–Z*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 1989, 1816 p.
12. *Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2002, 960 p. (Duden. Deutsche Sprache, in 12 vols., vol. 11).
13. *Duden. Zitate und Aussprüche*. Mannheim, Dudenverlag; Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2008, 960 p.
14. Hellmich, H. „Stoffauswahl und Stoffaufbereitung“. *Didaktik des Fremdsprachenunterrichts*, author group led by G. Desselmann, H. Hellmich. Leipzig, Verlag Enzyklopädie, 1986, pp. 55–66.
15. Isenberg, H. Texttypen als Interaktionstypen. Eine Texttypologie *Zeitschrift für Germanistik*, Leipzig, 1984, book 3, pp. 261–270.
16. Jurewicz, M., Kubiak, P. Semantische Dominante — ein entscheidendes Kriterium bei der Anfertigung und Evaluation von Übersetzungen? *Translations Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference, 2014*. Frankfurt a/M., Peter Lang Verlag, 2017, pp. 11–20.
17. Kupsch-Losereit, S. Verrückte Kulturen: Zur Vermittlung von kultureller Differenz beim Übersetzen. *Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht*, ed. by G. Wotjak. Berlin, Frank & Timme, 2007, pp. 205–220.
18. Kußmaul, P. Risikomanagement beim Übersetzen sozialwissenschaftlicher Umfragen. *Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht*, ed. by G. Wotjak. Berlin, Frank & Timme, 2007, pp. 235–253.
19. Kußmaul, P. *Verstehen und Übersetzen. Ein Lehr- und Arbeitsbuch*. Tübingen, Gunter Narr Verlag Studienbücher, 2010, 217 p.
20. Lakoff, G., Johnson, M. *Leben in Metaphern. Konstruktion und Gebrauch von Sprachbildern*, transl. by A. Hildenbrand. Heidelberg, Carl-Auer Verlag, 2008, 272 p.
21. Mudersbach, K. Kohärenz und Textverstehen in der Lesersicht. Oder: Wie prüft man die Stimmigkeit von Texten beim Lesen. *Neue Perspektiven in der Übersetzungs- und Dolmetscherwissenschaft. Festschrift für Heidrun Gerzymisch-Arbogast zum 60. Geburtstag*, ed. by Th. Vogel, B. Voss. Bohum, AKS-Verlag, 2004, pp. 249–271.
22. Nord, Ch. *Fertigkeit Übersetzen. Ein Selbstlernkurs zum Übersetzen und Übersetzenlehren*. Alicante, Editorial Club Universitario, 2002, 182 p.

23. Nord, Ch. Übersetzungstypen — Übersetzungsverfahren. Ein paar neue Gedanken zu einem uralten Thema. *Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht*, ed. by G. Wotjak. Berlin, Frank & Timme, 2007, pp. 293–310.

24. Prunč, E. *Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht*. Berlin, Frank & Timme, 2007, 438 p.

25. Rothfuß-Bastian, D. Das Zusammenspiel von Vertextungsmitteln in Original und Übersetzung. *Neue Perspektiven in der Übersetzungs- und Dolmetscherwissenschaft. Festschrift für Heidrun Gerzymisch-Arbogast zum 60. Geburtstag*, ed. by Th. Vogel, B. Voss. Bohum, AKS-Verlag, 2004, pp. 273–288.

26. Van Vaerenbergh, L. ‚Kohärenz‘ in Text, Translation und Kommunikation. *Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht*, ed. by G. Wotjak. Berlin, Frank & Timme, 2007, pp. 411–426.

Гришаева Людмила Ивановна

профессор кафедры немецкой филологии
Воронежского государственного университета,
доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 394006, Воронеж, Университетская пл., 1

Liudmila I. Grishaeva

Full Professor of German Philology Department, Voronezh State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 1, University sq., Voronež, 394006, Russian Federation

E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru

SPIN-код: 2732-4529; AuthorID: 304126; ResearcherID: T-9182-2018